

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 7**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 7 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 314 с.

ISBN 978-5-458-04657-2

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04657-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи *).

Мм. Гг.

Въ исторіи умственной культуры есть явленія, хотя и пережитыя уже, но еще не отжившія, а можетъ-быть и безсмертныя, вспоминать о которыхъ всегда плодотворно для мышленія. Такою неувядаемою свѣжестью безспорно обладаютъ прекрасныя образы и глубокія мысли поэта-философа Шиллера. Да послужить мнѣ это оправданіемъ въ томъ, что я рѣшился занять ваше вниманіе Шиллеромъ, тѣмъ болѣе, что Шиллеръ, хорошо извѣстный нашему образованному обществу, какъ поэтъ, менѣе извѣстенъ, какъ философъ.

Шиллеръ, какъ философъ, не задавался обширною программой разяснить всѣ важнѣйшіе вопросы мірового бытія и человѣческой жизни; задача, намѣченная имъ, была тѣснѣе ограничена и касалась лишь того, что лично для него было всего дороже въ жизни, но сохраняло въ то же время и общечеловѣческій интересъ. Поэтъ-философъ испытывалъ живую потребность выяснить себѣ значеніе красоты и эс-

*) Читано въ торжественномъ годишнемъ засѣданіи Психологическаго Общества 27-го января 1891 г.

тетического чувства, которымъ онъ былъ проникнутъ, и художественнаго творчества, составлявшаго его жизненное призваніе. Въ своихъ философскихъ трудахъ онъ касался и психологіи, и этики, и отчасти метафизики, но лишь на столько, на сколько эти науки способствовали разрѣшенію вопросовъ эстетическихъ. Словомъ, философія Шиллера есть эстетика. Всего болѣе занималъ его вопросъ объ отношеніи художественнаго творчества къ двумъ важнѣйшимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности: къ дѣятельности нравственной и теоретической. Нравственная дѣятельность имѣетъ цѣлью осуществить въ общежитіи идеаль добра, теоретическая—открыть въ наукѣ истину, а художественное творчество—создать въ своихъ произведеніяхъ красоту. Какъ же относится красота къ добру и истинѣ?—вотъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ эстетики Шиллера. Онъ полагалъ, что добро и истина въ ихъ идеальномъ совершенствѣ отождествляются съ красотой. Цѣль моего реферата показать, какъ онъ пришелъ къ этому выводу.

Въ концѣ прошлаго вѣка, когда Шиллеръ, уже извѣстный, какъ поэтъ, впервые выступилъ, какъ мыслитель, въ нѣмецкой философіи царилъ Кантъ. Шиллеръ не могъ не подчиниться вліянію Канта, особенно въ вопросахъ этики и эстетики. Но вскорѣ обнаружилось значительное различіе во взглядахъ обоихъ мыслителей, и именно различіе въ области этики. Это различіе и попытки привести его къ соглашенію опредѣлили дальнѣйшій ходъ философіи Шиллера. Для разъясненія идей Шиллера необходимо предпослать краткій очеркъ нравственнаго ученія Канта.

Подвергая критическому анализу способность воли, Кантъ нашелъ, что воля, стремясь къ достиженію заранѣе намѣченныхъ цѣлей, всегда руководится извѣстными правилами, отъ соблюденія которыхъ зависитъ достиженіе цѣли. Правила эти сознаются разсудкомъ, какъ обязательныя требованія, напримѣръ: береги здоровье, откладывая копѣйку на черный день, и тому подобное. Очевидно, обязательность эта имѣетъ лишь условный характеръ, вполне завися

отъ преслѣдуемой цѣли; съ отрицаніемъ цѣли отрицается и обязательность правила. Но среди множества такихъ условно обязательныхъ правилъ житейскаго благоразумія Кантъ открылъ въ нашемъ сознаниіи и такъ называемый категорическій императивъ, т.-е. требованіе, безусловно обязательное для всѣхъ и всегда. Что требуется безусловно отъ всѣхъ и всегда, то представляется общимъ нравственнымъ долгомъ. Категорическій императивъ—это требованіе нравственнаго долга. Несомнѣнъ тотъ фактъ, что гдѣ есть людское общежитіе, тамъ есть и сознание нравственнаго долга, какъ чего-то безусловно обязательнаго для членовъ этого общежитія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Вездѣ и всегда исполненіе требованій нравственнаго долга считается добродѣтелью. Въ чемъ же состоятъ эти требованія? Какъ-бы различно онѣ ни формулировались въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ, всѣ эти формулы одинаковы между собою и по формѣ, и по существенному содержанію. По формѣ всѣ онѣ категорическіе императивы, т.-е. безусловныя требованія; по содержанію всѣ требуютъ подчиненія блага личнаго, какъ блага условнаго, благу общему, безусловному. Всегда и вездѣ нравственный долгъ требуетъ жертвы личнаго счастья и не только жертвы чувственными наслажденіями, въ сущности пустыми, но даже самыми дорогими привязанностями, если бы случилось такъ, что эти привязанности противорѣчатъ нравственному долгу. Чѣмъ тяжелѣе жертва, тѣмъ выше нравственная заслуга. Но что можетъ побуждать человѣка жертвовать собою ради идеи долга? Естественнымъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій бываетъ чувство, иногда низкое чувство матеріальныхъ наслажденій, а иногда высокое чувство любви и состраданія, побуждающее къ подвигамъ самоотверженія. Не побуждаетъ-ли человѣка какое-нибудь подобное-же высокое чувство и къ исполненію нравственнаго долга? Кантъ рѣшительно отрицаетъ это. Чувство, какое бы оно ни было, не зависитъ отъ воли и всегда субъективно. Еслибъ исполненіе долга зависѣло отъ чувства, долгъ утратилъ бы без-

условную обязательность. Если человѣкъ обязанъ помогать ближнему въ нуждѣ, ужели обязанность эта имѣетъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока въ немъ возбуждено чувство состраданія? Живое чувство состраданія можетъ быть временно заглушено внѣшними обстоятельствами; ужели въ такомъ случаѣ временно прекращается и обязательность помощи? Что обязательно, то равно обязательно и при наличности, и при отсутствіи чувства. И даже, думаетъ Кантъ, чувство, облегчая намъ исполненіе долга, умалываетъ нравственное достоинство поступка. Истинно нравственный поступокъ, по мнѣнію Канта, вызывается не чувствомъ, какъ бы высоко оно ни было, но единственно разумнымъ сознаніемъ обязательности долга, уваженіемъ къ нему. Не могу не указать здѣсь на противорѣчіе, допущенное Кантомъ. Отвергая зависимость нравственного дѣянія отъ всякаго чувства, онъ въ то же время мотивируетъ его уваженіемъ къ идеѣ долга. А что же такое уваженіе, если не чувство? И такъ, для Канта жизнь есть постоянная, тяжелая борьба между чувствами и склонностями съ одной стороны и разумнымъ сознаніемъ долга—съ другой. Идеаломъ человѣка для него является неутомимый борецъ долга, недоступный соблазну чувствъ. Такого борца, человѣка *нравственной*, онъ противопоставляетъ человѣку *естественному*, который руководится чувствомъ, имѣющимъ всегда нѣкоторую примѣсь эгоизма.

Шиллера, подобно Канту, занималъ вопросъ о нравственномъ идеалѣ человѣка. Но, полный живого чувства, поэтъ не могъ согласиться съ абстрактными выводами философа; его возмущалъ сурово безчувственный идеалъ Канта, противопоставляемый естественному человѣку. Извѣстно насмѣшливое четверостишіе Шиллера „Gewissensscrupel“ (терзаніе совѣсти), направленное противъ кантовскаго идеала. Вотъ его содержаніе. „Я готовъ служить друзьямъ, но, къ сожалѣнію, дѣлаю это съ сердечнымъ влеченіемъ; а потому меня терзаетъ мысль, что я не добродѣтеленъ... Какъ быть?—Отвѣтъ: Есть одно только средство: постарайся проникнуть-

ся презрѣніемъ къ друзьямъ и затѣмъ уже съ отвращеніемъ исполняй требованіе долга". Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что нравственный долгъ безусловно повелѣваетъ жертвовать собою для общаго блага, Шиллеръ полагалъ однако, что къ такому самопожертвованію можетъ побудить чловѣка только естественный мотивъ, т.-е. какое-нибудь чувство. Еще до знакомства съ нравственнымъ ученіемъ Канта воображенію Шиллера представлялся образъ героя, проникнутаго безкорыстною любовью къ чловѣчеству, и онъ поэтически воплотилъ этотъ образъ въ лицѣ маркиза Позу, добровольно умирающаго за благо угнетенныхъ Филиппомъ Испанскимъ Нидерландовъ. Ознакомившись съ идеями Канта и замѣтя, какъ непохожъ его холодный идеаль на полного высокой любви маркиза Позу, Шиллеръ задался цѣлью уже философски выразить свой идеаль. Этотъ идеаль не долженъ являться противоположностью естественному чловѣку; чувство должно быть въ немъ не подавлено требованіемъ долга, но примирено съ нимъ; онъ долженъ находить счастье въ исполненіи долга, требующаго отреченія отъ личнаго счастья. Задача состояла въ открытіи, такъ сказать, примирителя, который устанавливалъ бы гармонію между естественнымъ и нравственнымъ чловѣкомъ, между счастьемъ и долгомъ. Такого примирителя Шиллеръ нашелъ въ красотѣ и эстетическомъ чувствѣ. Что же такое красота и эстетическое чувство? Въ чемъ заключается ихъ примиряющій характеръ? Отвѣтъ Шиллера на эти вопросы вытекаетъ изъ психологической дедукціи и анализа этихъ понятій, а потому мы и должны заняться ихъ дедукціей и анализомъ.

Психологическія воззрѣнія Шиллера не представляютъ сами по себѣ ничего оригинальнаго; въ основаніи ихъ лежитъ признанная уже со временъ Платона двойственность чловѣка, какъ существа чувственно-разумнаго, въ отличіе отъ животныхъ, существъ исключительно чувственныхъ. Наша душевная жизнь, говоритъ Шиллеръ, состоитъ въ непрерывной смѣнѣ ощущеній, объединенныхъ сознаніемъ

неизмѣннаго я. Какъ въ каждой вещи мы различаемъ ея содержаніе и форму, понимая подъ содержаніемъ, или матеріаломъ, множество отдѣльныхъ частей, свойствъ и состояній вещи, а подъ формою—то, что, обнимая этотъ множественный матеріалъ, придаетъ вещи цѣлость и единство, такъ и въ душевной жизни смѣняющіяся ощущенія являются ея матеріальнымъ содержаніемъ, а объединяющее ихъ самосознаніе—формою. Ощущенія—это функція чувственности, самосознаніе—функція разума. Чувственность и разумъ—вотъ двѣ основныя способности души. Вліяя на чувственность, вещи и явленія внѣшняго міра вызываютъ въ ней различныя ощущенія, соединенныя съ чувствомъ удовольствія и неудовольствія. Чувственность естественно побуждаетъ насъ искать ощущеній пріятныхъ и избѣгать непріятныхъ. А такъ какъ побужденіе это вызывается вліяніемъ внѣшнихъ вещей, то въ немъ проявляется пассивное психическое начало, зависимость наша отъ природы. Но, испытывая на себѣ неодолимое вліяніе природы, мы въ извѣстной степени сопротивляемся ему и съ своей стороны дѣйствуемъ на природу, заставляя ее служить нашимъ цѣлямъ. Эта дѣятельность вытекаетъ изъ разума, въ которомъ такимъ образомъ проявляется дѣятельное, независимое отъ природы психическое начало—свобода. Дѣятельность разума прежде всего проявляется въ самосознаніи, т.-е. въ сознаніи того, что всѣ переживаемыя душевныя состоянія суть *мои* состоянія, что мое „я“ остается неизмѣннымъ въ вѣчно измѣняющемся потокѣ психической жизни. Эта неизмѣнность и тождество нашего „я“ доказываетъ независимость разума отъ природы, гдѣ все вѣчно течетъ и измѣняется. Какъ свободная, неизмѣнная форма души, разумъ человѣческій однороденъ со всемірною формою—разумомъ божественнымъ. Божественный разумъ проявляется въ міровыхъ законахъ, а міровые законы—это всеобщія, безусловныя, неизмѣнныя формы отдѣльныхъ, обусловленныхъ и измѣняющихся вещей и явленій.

Человѣческій разумъ есть сознаніе міровыхъ законовъ.

Дѣятельность человѣческаго разума по отношенію къ природѣ проявляется двояко. Во-первыхъ, подвергая анализу отдѣльныя вещи и мимолетныя явленія, разумъ стремится открыть въ нихъ всеобщую сущность, вѣчный законъ, т.-е. безусловную истину. Во-вторыхъ, стремясь передѣлать вещи такъ, чтобы онѣ служили цѣлямъ человѣка, и главнымъ образомъ стремясь осуществить въ вещахъ безусловную цѣль, идею безусловнаго блага, разумъ предписываетъ намъ для руководства различныя практическія правила и единый категорическій императивъ, т.-е. безусловно обязательный нравственный законъ. Разумъ, сознающій законы природы и стремящійся познать ихъ, т.-е. открыть истину, Шиллеръ вмѣстѣ съ Кантомъ называетъ теоретическимъ, а разумъ, стремящійся къ осуществленію блага и сознающій законы свободы, нравственные законы,—практическимъ. Форма не можетъ имѣть реальнаго бытія безъ наполняющаго ее содержанія. Наше „я“, какъ душевная форма, не возникло бы въ дѣйствительной жизни безъ своего матеріальнаго содержанія—ощущеній. Такъ какъ человѣческая жизнь невозможна безъ соединенія этихъ двухъ началъ, то она невозможна и безъ удовлетворенія ихъ требованій. Чувственность требуетъ непрерывной смѣны пріятныхъ ощущеній, счастья, субъективнаго блага, а разумъ — открытія истины и осуществленія объективнаго, безусловнаго блага. Не соблюдая требованій чувственности, мы вовсе не жили бы; не соблюдая требованій разума, мы жили бы, какъ животныя, но не какъ люди.

Кромѣ двухъ основныхъ, требующихъ способностей, потребностей (*Triebe*, какъ называетъ ихъ Шиллеръ), мы имѣемъ еще третью способность, исполняющую ихъ требованія,—волю. Такъ какъ эти требованія могутъ иногда противорѣчить одно другому, какъ, наприм., чувственное требованіе наслажденія и разумное требованіе исполненія долга, то воля колеблется между двумя враждебными мотивами. Въ этомъ колебаніи, т.-е. возможности склониться на ту или другую сторону, Шиллеръ видитъ свободу человѣка, существа чувственно-разумнаго. Животныя, какъ существа только

чувственные, вмѣстѣ съ разумомъ лишены и свободы. Воля ихъ, побуждаемая одною чувственностью, съ роковою необходимостью подчинена ей.

Вышеуказанное противорѣчіе между разумомъ и чувственностью не есть необходимое ихъ отношеніе. То и другое начало имѣетъ свою отдѣльную сферу, и полная гармонія между ними возможна только при условіи взаимнаго соблюденія границъ. Раздоръ между чувственностью и разумомъ происходитъ отъ того, что каждая изъ этихъ способностей, вторгаясь въ сферу другой, пытается, такъ сказать, незаконно подчинить ее себѣ. Что торжество чувственности надъ разумомъ есть нравственное зло—это всѣмъ ясно; но могло бы казаться, что обратное отношеніе, т.-е. полное подавленіе чувственности разумомъ, есть желанное благо. Такъ думаютъ многіе, но не Шиллеръ. Желанное благо, идеаль, онъ видитъ въ полной гармоніи обѣихъ силъ; одностороннее же торжество одной изъ нихъ въ ущербъ другой, хотя-бы и торжество разума, онъ считаетъ недостаткомъ. Гармонія душевныхъ силъ порождаетъ нравственную цѣльность характера, дисгармонія—его надломленность. Шиллеръ приводитъ два примѣра угнетенія чувственности разумомъ теоретическимъ и практическимъ. Когда теоретическій разумъ, стремясь открыть безусловную истину, пренебрегаетъ чувственнымъ воспріятіемъ обусловленныхъ вещей и явленій, т.-е. наблюденіемъ и опытомъ, то создаются безплодныя научныя теоріи, идущія въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. А когда практический разумъ въ одностороннемъ увлеченіи идеей долга съ презрѣніемъ смотритъ на людскія слабости, то возникаетъ безсердечный, чуждый состраданія ригоризмъ, который, по мнѣнію Шиллера, причинилъ человѣчеству больше зла, нежели чувственная распущенность.

Какъ чувственность, такъ и разумъ въ своемъ одностороннемъ давленіи на волю должны быть сдерживаемы и нѣсколько ослаблены воспитаніемъ, стремящимся установить въ человѣкѣ идеальную гармонію, нравственную цѣльность